

Юрий КИТАЕВ

**КОММУНИСТИЧЕСКАЯ УЛИЦА, 102,
ХРАМ БОРИСА И ГЛЕБА**

Воля, и неволя, и свобода воли...
Дайте что-нибудь от душевной боли...

Сумерки. Дела — как сажа бела.
Сумерки. Вечерние колокола...
Дерево выводят из-за угла,
И дерево выходит из-за угла.

И грехам, и потерям счет давно потерян,
А из Красной книги выходят звери
И два быка, белые, как облака...

Дерево, как памятник, стоит на пути,
Дерево, как сторож, не отводит взгляд...
По ветру, по улице лист летит,
Ветер переменится — вернется назад.

Вот такой на ветру поворот судьбы,
Область притяжения кругла, как ноль.
Обоюдоострая впереди ночь.
То клаксона выкрик, то стон трубы.

Сумерки распахивают свои крыла,
Ни свободы, ни воли — никого нет...
Дерево входит из-за угла,
Переходит улицу на красный свет.

* * *

Школа? Да, но летние каникулы...
Ходит лошадь имени Калигулы.

Заседание сената на бревне,
Поиск истины в недорогом вине...

Юрий Андреевич Китаев родился в Москве, окончил Технологический институт. Работал инженером, школьным учителем, рабочим в геологоразведочной партии, слесарем, дворником и т. д. Стихи публиковались в журнале «Знамя». Живет в Калужской области.

С папиросами сенаторы сидят
И на лошадь с умилением глядят...

Лошадь — дура: ничего не понимает...
Или дурой притворяется, скотина,
От крапивы головы не подымает...

Школа? Да, но нелегко в ученье,
Даже если летние каникулы...
Посещение паче просвещения...
Беспокоят вражеские идолы...

Хорошо в сенате заседать...
Но пора идти германцев воевать...
Снова в Африке неважные дела...
И Персида из соседнего села...

* * *

А ночами здесь темный лес...
Каждый сам себе тать и вор...
В темноте череда чудес...
Серый волк, серебряный бор...

Было дело: свет и огонь —
За Жар-птицей в дальнюю даль...
Добрый был у меня конь:
Только кости остались. Жаль.

Трудный возраст, самообман.
Тихих дудок ночной хор...
...Это я, царевич Иван,
И на волке еду верхом...

Волк, скотина, слопал коня,
Сам теперь стал незаменим:
Вот сейчас зарежут меня,
Волк отыщет и оживит.

В темноте у Москвы-реки
Травы, шлюзы и муть воды...
Верный серый скалит клыки:
Знает зверь: не избыть беды...

Неоконченный разговор,
Недосказанная тоска...
Серый волк, серебряный бор...
Елки, пальмы... Река Москва.

* * *

У могильщика штык, и совок,
И песок, и тяжелая глина.
У охранника дверь и замок,
В сердце ночь и в мозгах паутина.

У садовника штык и совок,
Чудо-розы, компостные глыбы.
У удильщика тесный садок,
В нем большие веселые рыбы...

...Нам никак без веселых нельзя,
Без веселых мы жить не готовы...
И такая смешная стезя,
Что ни жизнь, повторяется снова.

У разбойника верный топор,
Острый нож или что-нибудь вроде...
И не пойман, а значит, не вор,
Он кругами по улицам ходит.

У священника ряса и крест...
И амвон, и словесное стадо...
Приискание выгод и мест
Или чайные Чуда и Сада...

У меня ни того, ни сего
И совсем ничего своего...

...Привязали два легких крыла,
Обещали полет в неизвестность...
День как день. Ни кола, ни двора
И вокруг незнакомая местность.

...Неужели уже не успеть...
Не проверить, блаженны ли нищие...
Над чужими дворами взлететь,
Задевая шершавые крыши...

ЗАКЛИНАНИЕ

... Уходи, уходи, беда,
В высокие провода.

Уходи, досада и боль,
В металл, где тысячи вольт.

Не может уйти беда:
Летает туда-сюда.
В электрических проводах:

То на запад, то на восток
Бежит электрический ток

Над нашей жизнью простой
С установленной частотой:

Над ритмом наших сердец
Всего-то пятьдесят герц...

* * *

Тяжела столичная ноша...
Участь горькая, нехорошая...
Каждый вечер на Красную площадь
Выходят Рубикон и Рубиконша.

Выходят веселые, неразлучные,
Прогоуливаются, улыбаются,
Ничему судьбой не наученные,
На придурков не обижаются.

Каждый вечер на Красную площадь,
На вокзальную Красную площадь
Выходят те, кто попроще.
Девочки и другие,
Веселые, дорогие...

Но ямы наши бездонны,
Дела наши беззаконны,
Мысли смешанны, бездомны...
Качаются наши троны...

...И все-таки — каждый вечер,
Веселые и хорошие,
И в дождь, и в холодный ветер
Рубикон выходит и Рубиконша.

НА 81-Й ПСАЛОМ

Сказано: вы боги, чада Божии...
Для чего, как люди умираете?
Как наемные солдаты пропадаете?
...И Земли колеблется подножие...

Правый Бог среди богов рассудит...
Для чего же сами судим мы несправедно?
Всякий грезит: ближнего погубит...
Никого уже на свете не полюбит,
Ни надежды не узнает, ни отрады...

Несознание, недоразумение...
Общее и частное падение...

Бог вздохнет, и Землю поколеблет...
Но Его наследье во языцах...

* * *

Открываю книжный шкаф,
Вылезает Голиаф.

Я страдаю и грущу:
Не найду мою пращу.

Несмотря на юность вида —
Далеко мне до Давида...

Но дурацкий Голиаф
Снова скрылся в книжный шкаф.

Опасаясь Голиафа,
Не открою больше шкафа...

* * *

Хочет чуда Чудо-Юдо...
С Чудой-Юдой нету сладу...

Ветер дует не оттуда
И несет, чего не надо.

Дождь идет, когда не просят,
Все равно: весна ли, осень...

Все равно, равно, равно...
Вычислено, решено.

Все равно... Но не скорблю:
Я теперь тебя люблю.

* * *

Напрасно я бегу к сионским высотám,
Грех алчный гонится за мною по пятам...

А. С. Пушкин

Поворот, другой поворот...
То собака, то кашалот...
Я, наивный, как бегемот,
Выхожу из своих болот...

Выхожу из своих теснот,
Из печальных своих глубин...
Но — дал Еко мне до высот,
Полных снега и вечных льдин,
Я наивный, и я один...

По российским глухим местам
Грех бежит за мной по пятам,
Как охотник с большим ружьем...
Я наивный... Все суета...
Может быть, как-нибудь проживем...

* * *

Нам и свет сегодня не светел...
И погашен свет не для нас...

Не имеющие билетов,
Опоздавшие на сеанс,

Мы идем по белому свету,
Не допущенные в мечту,
Не имеющие билета,
В странно светлую темноту...